Райский Борис Евгеньевич,
родился 23.03.1952

С какой вероятностью человек сам себе может предсказать свое будущее? Никто не пробовал быть оракулом своего будущего? Я лично не пробовал. По правде говоря, и среди своих знакомых и сослуживцев по Воздушно-десантным войскам таких людей почему-то не встречал. И вдруг...

...С Борькой, с Борисом Райским, с Борисом Евгеньевичем (прапорщик, старший прапорщик, «дембель», старший инспектор пожарного надзора Тульского отделения железной дороги) я знаком с тысяча девятьсот восемьдесят второго года, когда из Ставропольской десантно-штурмовой бригады (а до этого — учеба в Тульской школе № 16, учеба в элетромеханическом техникуме имени Рогова, срочная в Пензенском автобате, школа прапорщиков) он пришел служить техником роты химической защиты в 106-ю гвардейскую воздушно-десантную Краснознаменную ордена Кутузова 2-й степени дивизию.

— Борис, подробнее расскажи о своем предсказании,— прошу своего давнего знакомого, с которым последние, нет — не последние, а крайние месяцы каждую неделю договариваемся увидеться и его неотложные дела все откладывали и откладывали нашу встречу. В первый день его отпуска все-таки наша встреча состоялась и его слова после объятий и приветствий чуть не испортили наше общение: «Завтра вызывают срочно на работу, а сегодня у меня свободных всего тридцать минут». Тридцать — так тридцать, для первого раза хватит и тридцати минут.

— О предсказании,— напоминаю ему.

— Прилетаю в Баграм (*Афганистан, 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк, 1985 год: примечание автора*), и меня сразу ошарашивают, не успел даже распаковать чемоданы, мол, собирайся — на «боевые». На «боевые», так — на «боевые». Сдаю в штабе документы, аттестаты всякие. Сдал и выхожу из штаба с какими-то, сейчас и не помню с какими, бумагами в руках. Навстречу прапорщик-«старожил».

— Куда направили?

Отвечаю ему, не задумываясь и не думая о последствиях:

— В Кабул, начальником железнодорожной станции! (*Ровно через десять лет «оракул» — «дембель» Райский придет работать на железную дорогу: примечание автора*).

— Умеют, даже здесь, в Афгане, устраиваются эти евреи,— следует реплика «старожила».

К обеду мужское «сарафанное» радио — ничуть не хуже женского — по всему полку разнесло эту сенсационную новость. Все завидовали «еврею» Райскому и только майор Токмаков, наш, тульский, Царствие ему небесное, ехидно у меня поинтересовался, зная в отличие от других промышленный потенциал Афганистана:

— Борис, где же ты нашел в Кабуле железные дороги? (*В то время, да и сейчас, наверное, в Афганистане длина железнодорожного полотна составляла около шести километров на севере страны: примечание автора*).

Смех стоял по всему полку. Но и новые мои сослуживцы не остались в долгу.

— Поясни.

— Как ты знаешь, первое воскресение августа — День железнодорожника. В том году, не помню: то ли на субботу, то ли на воскресение выпал День ВДВ — второе августа. И на торжественном собрании, посвященном, ясное дело, нашему родному празднику, мне вручают Грамоту с подписью командира полка и гербовой печатью части.

— И?

— Грамоту «Первому железнодорожнику Афганистана!». Клуб ревел, стонал в экстазе хохота — это надо было видеть. Ответил, как и положено: «Служу Советскому Союзу!». Жаль — ту Грамоту не сберег, сейчас бы была реликвией.

— Обещанные «боевые».

— На следующий день по прибытии я со своим взводом (*старший прапорщик Райский командовал взводом спецработ ремонтной роты полка: постоянные сопровождения колонн со всеми нюансами и непредвиденными обстоятельствами партизанской войны в горах: примечания автора*) и ровно год и семь месяцев постоянные «боевые», ни одной операции не пропустил. В последние, крайние то есть, до замены пять месяцев «боевых» стало меньше.

— Специфика службы во взводе спецработ.

— Представь, движется колонна техники, «духи» подбивают машину, колонна продолжает движение, взвод спецработ остается с подбитой машиной. Выставляется охранение на господствующих высотах и личный состав взвода «колупается» с этой машиной.

— Пример.

— Сопровождаем по бездорожью через три брода до серпантина горных дорог колонну почти из ста машин наших «зеленых» братьев (*афганская колонна со всевозможным грузом: примечание автора*). Аккурат на середине первой речки подбивают одну машину. Колонна уходит дальше. Цепляем тягачом, как и положено, за буксировочный крюк подбитую машину — бампер вырывается с корнем. Цепляем за передний мост — мост вырывается с корнем. Не приспособлены машины немецкого производства к таким передрягам. Перегружаем груз — рис в мешках — на другие, подошедшие машины. На второй переправе повторяется такая же картина — «духи» опять подбивают машину на середине речки. Проверяем груз — сахар, сахарный песок. Цепляем сразу за передний мост — передний мост волочится на тросу, машина мертвым грузом остается на середине речки. По рации связываюсь с командиром роты — тут же четыре БТР из охранения «слетают» с гор, весь сахар перегружается в них. Дело сделано — ночью сахар переправляется в полк. Утром нашу колонну сопровождения перед КПП полка встречает представительная комиссия из политработников и особистов — следов сахара нигде нет.

— Среди вас оказался дальний родственник «Павлика Морозова»?

— «Зеленые» братья настучали, но сахар так и не нашли.

— Сахар, конечно, пошел по прямому назначению?

— О чем «базар». Ты помнишь, что в Афгане, по крайней мере — в Баграме, бутылка водки стоила 50 чеков, а получка у нас — 260 чеков. А «боевые» — постоянно, постоянно стресс, тем более, что у нас был свой, полковой хлебозавод и немеряно дрожжей. И в моем взводном хозяйстве стоял официально разрешенный самогонный аппарат.

— Заливаешь, «Почетный железнодорожник Афгана»?

Он ничуть не обиделся:

— Все аккумуляторы полка находились у меня на обслуживании, а им, как известно, нужна дистиллированная вода. Днем аппарат работал исключительно по своему прямому, по заверенным документами, назначению, а ночью во всю мощь пахал по своей второй профессии.

— «За отвагу»?

— Вспоминать жутко. Одним словом: доставали девятую роту со знаменитой высоты. Мы — что? Мы вытаскивали технику, покореженную технику.— Бориса передернуло от нахлынувших воспоминаний.— За эту операцию я и получил медаль «За отвагу».

— Красная Звезда?

— За участие в двух операциях Пандшер-1 и Пандшер-2. На втором Пандшере меня и зацепило, минно-взрывная травма, одним словом. Естественно, медсанбат. Естественно, очередные «боевые» и... личный состав моего взвода отказывается идти выполнять приказ без своего командира, идти с «чужим» прапорщиком. Всем взводом пришли меня в медсанбате упрашивать — так и пришлось идти на «боевые» недолеченным.

— Незаменимый, что ли?

— Заменимый, незаменимый, но за два года постоянных «боевых» в моем взводе ни одного «двухсотого», всего — два легких ранения. Это — при том, что наш, 345-й полк, называли полком «смертников». Солдаты, их матери до сих пор мне письма пишут, благодарят за Афганистан. Один всего случай. После очередной зачистки местности войска располагаются на берегу речушки недалеко от кишлака, рядом виноградник. Солдаты спрашивают у меня разрешения набрать ведро винограда. Разрешаю. Набрали. Поели. Утром, а я всегда Там вставал в четыре утра, вижу, как молодой солдат из взвода с двумя ведрами направляется к винограднику. Остановил. Поднял «дембелей» — они послали, кто еще? — и популярно объяснил всем чреватость последствий их необдуманных действий. Популярно объяснил, невзирая на ропот и недовольство «дембелей», иллюстрируя наглядным, только что, на их глазах, случившимся примером.

— Что за пример?

— Из соседнего подразделения, тоже контингент «дембелей», послал за виноградом «салагу» и нет у солдата стопы — растяжка стояла у виноградника. Местные жители — не дураки, хотя в этом кишлаке и относились к нам лояльно. Но кому понравится, если к тебе в огород постоянно нагло лезут за урожаем непрошенные гости?

— Третья награда?

— Орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени — по совокупности за весь Афганистан. Что хочу сказать? Ведь там, за Речкой, прошли мои лучшие годы службы в Армии, есть, что вспомнить, что рассказать. Как-нибудь я тебе обо всем расскажу, но на это надо много времени и...

— И водки,— перебиваю Райского.

— Какой водки? Все, с этим завязано раз и навсегда — к времени-то надо еще и настроение соответствующее.

— Это — понятно. Как написал Михаил Веллер: «После пятидесяти пить, курить и...»

— Ходить «налево»,— теперь он перебивает меня.

— Нет, третье у Веллера: «...копить деньги теряет всякий смысл».— Борис смотрит на часы.— Пару слов о теперешней работе.

— После увольнения приятель, работающий на железной дороге, предложил освободившуюся кстати должность пожарного инспектора. Прихожу к начальнику, начинает спрашивать меня по технике противопожарной безопасности. Выложил ему по первое число — у того от удивления глаза на лоб полезли: откуда все знаю, специально что ли готовился к собеседованию. Ты же знаешь, в роте за всю документацию, за всю работу по технике безопасности, в том числе и по противопожарной, каждые полгода приходилось отчитываться перед проверяющими разных рангов и чинов. Взяли сразу. Три месяца учебы плюс три месяца работы и теперь, уже четырнадцать лет,— старший инспектор пожарного надзора Тульского отделения Московской железной дороги Борис Евгеньевич Райский, прошу любить и жаловать.

— И,— добавляю на прощание,— двадцать четыре года, как ты — «Первый железнодорожник Афганистана».

Мы оба смеемся, договорившись о следующей встрече.

...Через день раздается звонок Райского:

— Я теперь — кто? Пожарный инспектор на железной дороге. Железную дорогу, поневоле задумаешься над судьбой, предсказал себе в первый день Афганистана.

— Ты уже рассказывал об этом.

— Слушай. В последний день пребывания в Баграме мы с техником разведроты, таким же старшим прапорщиком, стояли перед выбором — каким транспортом добираться до Кабула, чтобы потом улететь в Ташкент, в Союз. Или на наземном транспорте с колонной пустых наливняков-бензовозов, или по воздуху на «Ан-12». Решили лететь на самолете — перевалил через хребет и Кабульский аэродром рядом. Перед загрузкой в самолет, как и положено, с провожающими на посошок по чуть-чуть на всех опорожнили два пятизвездочных «Арарата». Зашли в самолет (пассажиров летело всего шесть человек — кроме нас еще две женщины и два «чернопогонника») и я сразу учуял запах керосина. Спросил у техника: «Да, ерунда,— ответил тот,— вчера местные «братья» случайно разлили три бочки керосина в грузовом отсеке» *(«чернопогонники» — военнослужащие, в форме одежды которых — в частности, на погонах и петлицах — черный цвет материи: артиллеристы, там, танкисты, другие рода войск: примечание автора*).

— Что дальше?

— Сидим в гермокабине и вдруг в один иллюминатор вижу пламя. Подзываю борттехника и в этот момент пламя увидел очкастый в черных погонах. Я был шокирован, потрясен (такое видел только в кино, но в кино — это трюк) — его очки стали медленно подниматься на лоб, и остановились только около волос. Во — какой там киношный трюк! Заснять бы тогда.

— Да-а...

— Совещание с командиром самолета длилось недолго. Открывают десантный люк, а там бушует пламя.

— Откуда оно взялось-то?

— Керосин — не бензин — он не испаряется и не улетучивается: вчерашний пролитый оказался на обшивке самолета и, видимо, от отстреленных противозенитных ракет загорелся.

— А высота?

— Высота три тысячи метров — дышать можно. Меня и разведчика обвязывают

тросами, собирают со всего самолета огнетушители и мы медленно ползем к открытому люку. Под нами пламя и горы почти рядом. Представь — затушили все-таки. И приземлились нормально с открытым люком. Летчики потом спрашивали, как мы такое сумели проделать.

— И что ты им ответил?

— Буквально: «Вы, в случае чего, с парашютами, а что нам делать на трех тысячах без парашютов?».

— Выходит, второе...

— Выходит, не выходит, а в последний — в последний, в последний — день пребывания в Афганистане я по полной программе отработал пожарником...

С какой вероятностью человек сам себе может предсказать свое будущее? Никто не пробовал быть оракулом своего будущего?..